

Глава 2. Врата преисподней распахнуты

День в обители богов равен году среди смертных. Десять лет пролетели незаметно, и во всех Трех Мирах — как в поднебесье, так и на земле — воцарился благодатный покой.

Столица Вечного Веселья гудела, точно растревоженный улей. Выпал этот день на пятнадцатое число седьмого месяца — великое празднество, когда смертные молили богов о милости, изгоняли нечисть и совершали поминальные обряды. На улицах и у лавок яблоку негде было упасть. Из боковых ворот губернаторской усадьбы осторожно выехал ярко-желтый паланкин. Миновав череду извилистых переулков, он выбрался на широкий столичный тракт, но тут же увяз в пестрой толпе торговцев и прохожих. Как ни надрывали глотки слуги, расчищая дорогу, носилки не могли продвинуться ни на вершок.

Она приоткрыла тонкую занавеску изящными белыми пальцами. В образовавшуюся щелочку с любопытством уставилась юная девушка, жадно разглядывая праздничную суету. В паланкине сидела не кто иная, как младшая мисс, единственная дочь губернатора. Рожденная законной супругой на склоне его лет, она стала для отца бесценной жемчужиной, которую тот лелеял и оберегал пуще зеницы ока.

Ей едва исполнилось четырнадцать, но нежная белизна ее кожи и тонкие черты уже обещали затмить былую красоту ее матушки. С первого взгляда в ней угадывалась будущая первая красавица столицы.

Служанка, сидевшая рядом с юной госпожой, испуганно прошептала:

— Мисс, прошу вас, не нужно смотреть! Если барин узнает, мне несдобровать, опять засыплет упреками!

Ей выпала доля сопровождать изнеженную барышню в этой поездке, и сердце служанки уходило в пятки от каждого шороха. Случись что не так — головы ей не сносить.

Младшая мисс даже не повернулась. Лишь тихонько звякнули нефритовые подвески в ее волосах, когда она качнула головой. Будучи дочерью столь знатного чиновника, она с малых лет не покидала пределов родной усадьбы. И если бы не скорое совершеннолетие — обряд шпильки, который должен был состояться через несколько месяцев, — строгий отец ни за что не позволил бы ей взглянуть на мир за пределами высоких стен.

Сквозь щелку в шелке занавеси перед ней проплывали крикливые зазывалы, нарядные господа и барышни, причудливые безделушки на лотках. Но поскольку сегодня праздновали Улань, повсюду продавали лишь обереги от злых духов да ритуальную утварь. Праздник быстро наскучил любопытной девушке.

Она помнила слова матери: «Выходить замуж нужно только за столичного мужа, ведь в Столице Вечного Веселья живут самые благородные и статные юноши поднебесной». Однако,

сколько девушка ни всматривалась в толпу, благородных мужей она так и не заметила — вокруг сновали лишь жуликоватые торговцы да уродливые зеваки.

Разочарованная, она уже собиралась опустить занавеску, как вдруг взгляд ее скользнул в глубину бокового переулочка. Там, прислонившись к серой кирпичной стене, стоял молодой мужчина в белоснежном халате с изящным кубком в руке. Одного мимолетного взгляда на его безупречный, точно сошедший с картины профиль и благородную осанку хватило, чтобы юное девичье сердце сладостно затрепетало.

Она поспешно рванула ткань занавески назад, сиюминутно разглядеть его получше, но в тупике сиротливо мокли под дождем лишь пустые плиты мостовой. Незнакомец исчез. Даже когда паланкин остановился у храма и девушка благочестиво возжгла три поминальные свечи перед алтарем божества, образ прекрасного незнакомца не выходил у нее из головы.

В ее нежные годы так легко впустить в душу первую любовь. Опустившись на колени перед алтарем, девушка благоговейно склонила голову и едва слышно прошептала:

— О Великие Боги, пошлите мне супруга, подобного ему. Чтобы умом и красотой своей превосходил он всех смертных на этой земле.

Цзи Цин медленно шел по сырому переулочку, плавно покачивая кубком. Летний дождь едва утих. Белоснежные одежды юноши оставались безупречно чистыми, не оскверненными ни единой каплей уличной грязи. Он неторопливо шагал по щербатым каменным плитам, смакуя терпкое сливовое вино. Самым удивительным было то, что сколько бы он ни пил, драгоценный кубок в его руке всегда оставался полным до краев.

Вскоре он миновал городские ворота и оказался на пустыре. Вокруг расстилалась густая дубрава, надежно скрытая от любопытных глаз — идеальное место для того, чтобы без лишних свидетелей покончить с затаившейся нечистью. Цзи Цин остановился и прислушался, однако в лесу царила мертвая тишина. Он нахмурился. «Этим тварям явно не хватает воображения. Из раза в раз одно и то же», — подумал он с досадой. Наконец, не скрывая раздражения, юноша негромко бросил в глухую чащу:

— Долго еще будешь прятаться? Ты крадешься за мной от самой заставы.

В ту же секунду из-за ствола векового дерева скользнула женская фигура. На незнакомке была лишь полупрозрачная фиолетовая юбка да шелковый нагрудник-дудоу в тон, едва прикрывавший соблазнительные изгибы тела. Иссиня-черные волосы тяжелым водопадом ниспадали на хрупкие плечи, а в прищуре раскосых лисих глаз дрожало томительное обещание, способное погубить любого смертного.

Соблазнительно улыбнувшись, девица качнула бедрами и певуче произнесла:

— По всей столице идет молва, будто объявился у нас молодой да пригожий даос. Что ж, не соврали люди — ты и впрямь хорош собой.

Цзи Цин оставался бесстрастен. Пригубив вина, он холодно ответил:

— У тебя два пути. Либо ты убираешься прочь из Великой Ся, либо я заперу тебя в Башне Подавления Демонов.

Демоница издевательски рассмеялась, отчего ее порочное лицо показалось еще притягательнее. Она кокетливо коснулась пальчиком подбородка, окинув юношу хищным, полным вожделения взглядом:

— Мал еще, а гонору-то сколько! Вот высосу из твоего полубессмертного тела всю силу до последней капли, тогда и посмотрим, как запоешь. Жаль только портить такую безупречную кожу.

Почувствовав, как пространство вокруг сгущается от ядовитых миазмов демонической ци, Цзи Цин мысленно вздохнул. «Похоже, в подземельях башни сегодня станет одним постояльцем больше».

Не прошло и четверти часа, как юноша снова шел по тракту к Столице Вечного Веселья. Белые одежды все так же сияли чистотой, но на шее красовалась свежая багровая царапина, портившая весь его безупречный вид. Цзи Цин хмуро шагал к воротам, прикидывая в уме, какую виру содрать со Старика Туди. Пусть он сам умышленно ослабил бдительность, позволив твари подобраться поближе, но если бы не этот старый проныра со своими жалобами, Цзи Цину не пришлось бы возиться с дикой паучихой и рисковать собственной головой!

Двигаясь стремительно, точно подгоняемый ветром, Цзи Цин миновал жилые кварталы и проскользнул в полупустой храм Бога Земли. Убедившись, что в заднем дворе никого нет, он с силой притопнул ногой по растрескавшейся плитке. Движение казалось легким, но в этот удар даос вложил всю свою недюжинную мощь, буквально выкорчевав дрыхнувшего под землей Старика Туди наружу.

Едва не потеряв деревянную шапку, дух земли судорожно ухватился за свой замшелый посох и, испуганно воззрившись на хмурого гостя, пробормотал:

— Помилуй, Цзи Цин! Какими судьбами?

Цзи Цин небрежным взмахом рукава бросил ему лазурный нефритовый осколок. Сквозь полупрозрачный камень просвечивал крошечный фиолетовый силуэт, тщетно пытавшийся вырваться на свободу. Туди испуганно поймал артефакт обеими руками, боясь выпустить драгоценную ношу, и заискивающе заулыбался:

— Ох, как быстро! Уже изловил паучиху? Не зря сам великий Чжун Куй выделил тебя среди прочих и прочит в ученики!

Но Цзи Цин пропустил лесть мимо ушей. Из широкого рукава показалась его изящная, требовательно раскрытая ладонь.

Улыбка мигом сползла с лица духа земли. Сокрушенно вздохнув, он неохотно отвязал от пояса крошечный глиняный кувшинчик и со слезами на глазах протянул его даосу:

— Это же нектар с пиршества Восьми Бессмертных, еле выпросил! Ты уж... оставь старику хоть на донышке, а?

Стоило снять печать с кувшинчика, как двор заполнило благоухание, от которого кружилась голова. Цзи Цин уверенным движением извлек свой заветный кубок, перелил туда добрые три четверти божественной влаги и швырнул пустеющую посудину обратно опечаленному божеству. Направляясь к выходу, он бросил через плечо:

— В следующий раз за меньшее даже пальцем не пошевелю.

Потряса кувшин, в котором сиротливо плескалось от силы несколько капель, Туди горько вздохнул, но делать было нечего. Сердито топнув ногой, он растаял в воздухе, уйдя обратно под землю. Против судьбы не попрешь — кто он такой? Всего лишь безвестный дух земли, коих в Великой Ся пруд пруди, больше тысячи наберется.

Семь лет назад страшный небесный гнев обрушился на затерянный в горах монастырь. Та безумная гроза пощадила Цзи Цина, превратив его бренное тело в обитель полубессмертного духа, но унесла жизнь старого настоятеля, чей дух отправился в чистые земли Западного Рая навстречу новому перерождению. Ни одна живая душа не знала, что когда-то точно такой же небесный удар лишил юношу родителей. Больше всего на свете Цзи Цин презирал искателей бессмертия, считая их глупцами. Но судьба любит посмеяться над смертными: тот, кто бежал от небесной стези, невольно обрел полубессмертное естество, в то время как истинные праведники нашли лишь безмолвную смерть в погоне за призрачной мечтой.

Над городом вновь зависла влажная прохлада. Цзи Цин устроился на черепичной крыше заброшенной пагоды, подставив лицо холодной измороси. Он смотрел в ночное небо, где среди рваных туч медленно разгоралась багрянцем полная луна. Когда ночное светило окончательно налилось зловещей кровью и померкло, юноша тихо обронил:

— Луна зашла, врата отворяются. Пора.

Окутанный багровыми лучами, он поднялся во весь рост, устремив взор к горизонту. Там, на самом краю земного круга, медленно раздвигались створки исполинских бронзовых врат. Мириады призрачных, пепельно-серых теней с визгом и воем хлынули наружу, растворяясь в дождевой завесе и устремляясь к человеческому жилью.

«Почему их так много в этом году? Лишь бы не натворили бед», — подумал Цзи Цин, и в его взгляде блеснула холодная сталь. Впрочем, тревога эта была поверхностной, почти равнодушной. Юноша не отличался жестокосердием, однако сама природа обделила его: он родился с неполными семью чувствами и ущербными шестью желаниями, оставаясь глухим к земным страстям.

Когда Цзи Цин был совсем младенцем, мимо их усадьбы проходил странствующий даос. Заметив отца, качавшего дитя в тени ветвистой ивы, старик вгляделся в лицо ребенка и изумленно воскликнул: «Этот младенец чист от рождения, в его душе нет места земным привязанностям и страстям! Сами небеса предназначтали ему великий путь. Позволь мне забрать его в ученики, и однажды он превзойдет всех бессмертных!»

Цзи Цину тогда едва исполнилось полгода. Его отец, величайший колдун династии Ся, лишь рассмеялся в ответ на эти бредни и велел слугам прогнать незваного гостя. Уходя, старый даос лишь сокрушенно покачал головой: «Его удел велик, но грань тонка — он может стать как великим праведником, так и ужасающим демоном. Коль нет у нас общей судьбы, не стану перечить воле неба».

Отбросив воспоминания, Цзи Цин бесшумным призраком заскользил по крышам в глубь Столицы Вечного Веселья. Хотя Нефритовый император и даровал обитателям подземного царства законное право раз в год навестить мир живых, большинство неупокоенных душ преследовали куда более зловещие цели, мечтая насытиться плотью и кровью смертных. Каждое новолуние седьмого месяца превращалось для молодого даоса в бесконечную охоту.

Из-за дневных обрядов город насквозь пропитался удушливым ароматом благовоний и горелой бумаги. Сизый дым стлался по пустым переулкам, смешиваясь с наползающим речным туманом.

По главному проспекту, укутавшись в глухой черный плащ, испуганно семенил ночной сторож. Монахи из соседней обители божились, что в такой одежде призраки не заметят живого человека. В эту ночь дежурить должен был его напарник, но тот занемог, и бедняге пришлось идти одному. Втянув голову в плечи, он повыше поднял бумажный фонарь, сясь разглядеть хоть что-то в непроглядной, сырой хмари.

Обогнув угол Башни Встречи Гостей, сторож замер. Из темноты на него стремительно катилась волна ледяного белого тумана, из глубин которого доносился приглушенный, утробный вой. Сердце несчастного ушло в пятки. Бросив колотушку и барабан, он бросился наутек, но не успел сделать и десяти шагов, как чья-то крепкая рука удержала его за плечо. Обернувшись, он обомлел: перед ним стоял статный молодой господин в белоснежном одеянии, спокойно державший его брошенные вещи.

Сторож шумно выдохнул, прижимая ладонь к груди:

— Ох, напугали вы меня, сударь! В такую-то ночь, когда ворота преисподней распахнуты настужь, приличным людям дома сидеть надо! Того и гляди безголовый мертвец в канаву

утащит. Возвращались бы вы подобру-поздорову в теплую постель!

Забрав свои нехитрые пожитки, он поспешил дальше, стараясь держаться поближе к стенам Башни Встречи Гостей. Бедняга и не подозревал, что тяжелая деревянная колотушка в его руках уже была заменена на редкий даосский артефакт, способный разогнать любую призрачную свору.

Цзи Цин проводил взглядом сутулую фигуру ночного сторожа, а затем бесшумно растаял в воздухе. Если бы смертный обернулся и увидел это исчезновение, его сердце наверняка разорвалось бы от ужаса.

<http://bllate.org/book/20393/2115426>